

Выйдя из ванной, Вэй Чжань всё ещё листал документы, но левую руку протянул в сторону Вэй Сюня. Тот подошёл, положил свою руку в ладонь другого, и она была согрета теплом.

Вэй Чжань, воспользовавшись моментом, притянул его к себе, обняв, как драгоценный нефрит, но, продолжая заниматься делами, почувствовал, что это стало скучным, и потому отодвинул бумаги, слегка повернулся и обнял Вэй Сюня обеими руками, с нетерпением желая насладиться вкусом, который не пробовал уже больше месяца.

Незаметно для себя Вэй Сюнь оказался в позе, сидя на коленях у другого, воротник его пижамы съехал, обнажив гладкое и округлое плечо. Вэй Чжань провёл рукой по коже, уткнулся лицом в шею, оставляя на ней красивые красные следы от поцелуев.

Его большая ладонь скользнула вниз, и там, где она проходила, словно текла раскалённая лава, пока, наконец, не обхватила ягодицы, сжимая их с таким чувственным наслаждением, что это могло свести с ума.

Из-за позы Вэй Сюнь оказался чуть выше, и другой, запрокинув голову, поцеловал его, полуприкрыв глаза, взгляд скользнул вниз, где можно было разглядеть его соблазнительный кадык.

Халат Вэй Чжана распахнулся, обнажив мощную грудь, а пальцы сидящего на нём человека беспокойно скользнули вниз по кадыку, игриво лаская каждый мускул.

— Маленький проказник, какой смелый, — с улыбкой произнёс Вэй Чжань, и его пальцы внезапно проникли в скрытое место.

Вэй Сюнь невольно издал лёгкий стон, что только усилило его желание.

В самый интимный момент тело полностью вышло из-под контроля, трепеща в ритме другого, наслаждение накатывало волнами, а изо рта вырывались звуки, которые он бы никогда не хотел признать своими.

После насыщения Вэй Сюнь, едва держась, оперся на плечо Вэй Чжана, тяжело дыша. Но его старший брат, считая, что этого недостаточно для близости, внезапно дёрнулся, заставив Вэй Сюня крепче обнять его. Добившись своего, он с удовлетворением улыбнулся.

Этот человек... действительно...

Не в силах сдержать досаду, Вэй Сюнь укусил его за кадык, прижавшись головой к шее. Это не было больно, и он даже почувствовал, как тот мягкий и влажный язычок скользнул, вызывая желание зажать его в губах.

Думая об этом, Вэй Чжань снова почувствовал звериный позыв, что вызвало у него улыбку. Сколько прекрасных тел он видел, но только это сводило его с ума, словно он был заколдован, и никак не мог избавиться от этой одержимости.

Город Аньчэн находился на юге, и, куда ни глянь, круглый год зелень была пышной, даже глубокой осенью листья почти не опадали. Здесь привычные законы природы нарушались: листья бережно держались на ветках до следующей зимы, пока создатель не отдавал окончательный приказ, и только тогда они отпускались, разлетаясь в холодном ветру, и тогда звучала песня расставания, заставляющая приезжих останавливаться и задумываться.

Если бы так описать, можно было бы подумать, что деревья были преданы своим листьям, но

на самом деле ствол был один, а листьев — тысячи. Когда один лист отпускался, достаточно было присмотреться, чтобы заметить, что на ветке уже появился нежный зелёный росток.

Но сейчас была всё ещё глубокая осень, и питательные вещества от ствола продолжали поступать ещё два сезона. Вэй Сюнь смотрел в окно на зелёные растения, тянущиеся вдоль окраины города, а машина того человека постепенно удалялась, пока не исчезла вдали. Холодный ветер унёс с собой ночные ласки, и спустя некоторое время он решил жить настоящим, не предаваясь излишним размышлениям.

Осушитель воздуха работал круглые сутки, но всё же были места, которые он не мог охватить. Переодеваясь, Вэй Сюнь взял влагопоглотитель из шкафа, он был довольно тяжёлый, и, открыв его, он увидел, что он уже впитал много влаги. Влажная погода была невыносима для северян.

Не только люди чувствовали дискомфорт. Придя на съёмочную площадку, он увидел, что даже декорации начали сдавать.

Прошлой ночью шёл дождь, морозящий до самого утра. В современном обществе это не было бы большой проблемой, но забавно то, что в сюжете фильма дома управлялись системой умного дома, которая автоматически защищала их от дождя и поддерживала чистоту, так что здания всегда выглядели как новые. Однако на съёмках такой системы не было, и повреждённые дождём декорации приходилось восстанавливать вручную.

Особенно пострадала хижина «дворца Едоу». Крыша была накрыта водонепроницаемой тканью, поэтому протечек было немного, но ветер разметал все декорации. Когда Вэй Сюнь пришёл, он увидел, как работники суетились, кто-то залез на крышу по лестнице и обнаружил, что почти вся солома пришла в негодность.

— Всё пропало! — прокричал он хриплым голосом, и все внизу начали сокрушаться.

Вэй Сюнь, разглядев его лицо, только ужаснулся. Вчера он видел, как этот человек напился до потери сознания, едва вышел из отеля, как начал рвать у дерева, и, кажется, его отправил домой сам режиссёр Сунь Юэ. Сейчас, судя по всему, его подняли на съёмочную площадку ещё до рассвета. Вэй Сюнь смотрел, как он стоит на такой высоте, и ему становилось не по себе. В таком состоянии он едва ли был лучше, чем разрушенная крыша.

Вэй Сюнь рассказал об этом занятому декоратору, который, не заметив этого раньше, теперь дрожал от страха, повторяя, что это их «маленький божок», и умоляя его спуститься, боясь, что он упадёт.

Но этому человеку действительно не везло. Кажется, он всё ещё был в состоянии полусна, и, стоя на последней ступеньке лестницы, он поскользнулся. Как раз в этот момент Сунь Юэ шёл мимо, увидел это и бросился на помощь, но было уже поздно. К счастью, Вэй Сюнь среагировал быстро, подбежал и подхватил его, иначе он точно получил бы травму.

Сунь Юэ, уже не молодой, чуть не схватил инфаркт от такого. Он подошёл и несколько раз стукнул того по голове, а тот, обиженный, терпел, бормоча что-то под нос.

Это было странно. Вэй Сюнь никогда не видел, чтобы кто-то в съёмочной группе так разговаривал с режиссёром. Он наблюдал за этим, пока Сунь Юэ снова стукнул парня и повернул его к Вэй Сюню.

— Ну, извинись же!

Парень, который встал рано и до сих пор был в замешательстве, наконец понял, что Вэй Сюнь ему помог, и начал благодарить. Но Сунь Юэ счёл этого недостаточным и заставил его поклониться на девяносто градусов.

Вэй Сюнь нашёл их отношения забавными и протянул руку:

— Вэй Сюнь.

Теперь, разглядев лицо, он понял, что парень был совсем молод, лет семнадцати-восемнадцати, с чистым лицом, и совсем не похож на работника съёмочной группы. Скорее всего, он ещё учился в школе, сохраняя юношескую непосредственность. Парень, увидев, что Вэй Сюнь серьёзно поздоровался, быстро вытер руку о куртку Сунь Юэ и протянул её в ответ:

— Я знаю тебя! Мой папа часто тебя хвалит.

Он почесал голову, улыбаясь:

— Хвалит тебя и ругает меня. О, да, я Сунь Линь!

Он подмигнул Вэй Сюню и шепнул ему на ухо:

— Только никому не говори, папа тайком притащил меня на съёмки, чтобы мучить.

Вэй Сюнь улыбнулся, понимая, что только собственный ребёнок мог позволить себе так вести себя с тигром. Он вспомнил, как вчера на вечеринке Сунь Линь помогал Сунь Юэ отбиваться от тостов, и тогда он подумал, что этот парень выглядит скромно, но пить умеет. Теперь он понял, что это была забота о своём отце.

Через некоторое время Сунь Линь снова начал спорить с отцом:

— Режиссёр, я получил психологическую травму, мне нужно взять отпуск на восстановление.

Сунь Юэ не обратил на это внимания, поговорил с Вэй Сюнем ещё несколько минут, а затем обсудил с работниками, как исправить ситуацию на площадке. Сунь Линь следовал за ним, как хвостик.

— Есть запасная солома? — спросил Сунь Юэ.

Когда говорили о серьёзных вещах, Сунь Линь не вмешивался, тихо стоя в стороне, как мебель, и не говорил лишнего.

— Нет, я уже отправил людей купить, — ответил работник.

Сунь Юэ кивнул, подумал и добавил:

— Я вижу, пол тоже очень сырой. Попросите их намочить швабру в солёной воде, выжать и потом вымыть пол. Это поможет дольше сохранить сухость.